Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: Сборник научных статей / Ред.-сост. Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. 384 с.

В нашей исследовательской и особенно преподавательской традиции мы привыкли к «большой» истории. Занятые поиском ее закономерностей и смыслов, изучением экономических, политических, социальных структур, историки ретроспективно следят за возникновением и падением империй, войнами, дипломатическими баталиями, взаимоотношениями «сильных мира сего» и особенно внимательны к официальному дискурсу, в соответствии с которым часто и репрезентируют реальность тех или иных событий прошлого. При этом от внимания ученых ускользает история простых людей в ее повседневности. Как жили, о чем думали люди, как воспринимали события, современниками которых были, с какими трудностями сталкивались день за днем? Право человека, «не вошедшего в историю», быть услышанным и увиденным в контексте постановки этих и других вопросов лишь сравнительно недавно закрепились в ходе антропологического поворота в исторической науке. С этого времени история повседневности формируется как одно из наиболее актуальных и перспективных научных направлений. Этой истории, взятой сквозь призму жизни советского человека 1920–1940-х гг., посвящен рецензируемый сборник научных статей.

Книга разделена на 7 разделов, в каждом из которых рассматриваются различные аспекты, теоретико-методологические вопросы, советская социальная политика и стратегии выживания населения в 1920–1930-х гг., повседневный мир советского человека в годы Великой Отечественной войны, женская повседневность, этнокультурные и региональные особенности социальных трансформаций, норма и девиация в пространстве советского повседневья, визуализация последнего.

Обращает на себя внимание постановка теоретических вопросов в первом разделе «Советское повседневье в зеркале современной историографии: поиски и решения» (статьи А.С. Сенявского, Т.П. Хлыниной, В.И. Меньковского), а также в работах авторов других разделов в контексте решения конкретных исследовательских задач. Теоретико-методологические аспекты темы по-прежнему разработаны недостаточно, их осмысление отстает от практических исследований. В методологическом плане свои особенности имеет как история повседневности вообще, так и советского человека 1920–1940-х гг. в частности. На страницах сборника обсуждаются проблемы

соотношения и взаимосвязи истории повседневности с макроисторией, типологии повседневности, опасности дробления исторической реальности, содержательного наполнения термина «советская повседневность», реконструкции современных подходов к изучению рассматриваемой темы. При этом отмечается, что способность исторического познания прояснить природу и течение повседневной жизни обычного человека зависит от умелого взаимодействия исследователя и имеющихся в его распоряжении источников (с. 21).

И хотя сборнику явно недостает отдельной источниковедческой статьи, его авторов характеризует внимательное отношение к источникам и профессиональное обращение с ними. Источниковая база, на основе которой реконструируется советская повседневность, впечатляет: документы региональных архивов и официального происхождения, центральные и местные периодические издания, источники визуальные (статьи А.В. Голубева о советской политической карикатуре 1920–1930 гг. и Е.Р. Ярской-Смирновой о формировании представлений об инвалидности в советском кинематографе 1920–1940-х гг.) и этнографического характера (например, статья Л.В. Лебедевой о жизненных трудностях крестьянки 1920-х гг.), а также письма (статьи Е.С. Сенявской о фронтовой повседневности Великой Отечественной войны, Е.Ф. Кринко и И.Г. Тажидиновой о повседневности чувств военного времени), воспоминания, в том числе записанные либо авторами сборника (Е.Ю. Волковой о повседневных проблемах женщин в годы войны, Н.Н. Макаровой о «теневых» стратегиях выживания населения и проблемах отклоняющегося поведения в новом индустриальном центре (на примере Магнитогорска) в 1929–1935 гг. и др.), либо по инициативе государства (статья И.В. Ребровой о повседневной жизни кубанских партизан).

Когда речь заходит о рассматриваемой теме, источники личного происхождения представляют исключительную важность, позволяя воспроизвести жизнь обыкновенного человека так, как он сам ее осознавал. Большое значение при этом имеет такой вид источника, как жалоба. К изучению жалоб для реконструкции советского повседневья 1920–1940-х гг. обратились Хлынина, Е.А. Ялозина и О.М. Морозова. По мнению Хлыниной, жалобы подтверждают, что народ сопротивлялся тоталитарному режиму «не только путем

политического диссидентства» (с. 34–35). На мой взгляд, этот вывод является дискуссионным. Прежде всего, ему противоречит характер жалоб, описанных самой Хлыниной (по поводу грубого обращения с посетителями тех или иных учреждений, несвоевременной выплаты зарплат и пенсий, плохого снабжения продуктами питания и т.п.). Кроме этого, исследовательница указывает на твердую веру жалобщиков в социалистическую законность и заинтересованность власти в обнаружении и искоренении недостатков и правонарушений, отмечает, что многие обращались с жалобами «по зову души», считая себя обязанными информировать власть об изъянах «социалистического общежития» (с. 32). В свете этого жалоба вовсе не выглядит средством борьбы с «тоталитарным режимом» (как таковой жалобщиками он не воспринимался), а лишь способом борьбы с нарушением собственных прав на местном уровне, бытовыми трудностями, нехваткой чего-либо и т.д.

В этой связи вызывает интерес статья Морозовой о деятельности так называемых партизанских комиссий (комиссий, или комитетов помощи больным и раненым демобилизованным красноармейцам и бывшим красным партизанам), в которых оказалось большое количество жалоб. Даже самые радикальные из них, констатирует автор, отразили лишь разочарование моральной атмосферой в обществе, тоску по боевому прошлому, поиск «нечестных» большевиков в партии и советских учреждениях, критику советской бюрократии, потворствующей «врагам» (с. 95–99). Морозова отмечает также немногочисленность писем авторов «из категории идейных и разочарованных» и практически полное отсутствие – «идейных и не разочарованных» (с. 104).

Разноплановость представленных в сборнике статей определяется не только их группировкой по хронологическим разделам (повседневность 1920–1930-х гг., а затем периода Великой Отечественной войны), но и по разделам, характеризующимся тематическим единством. Среди них особое внимание читателей привлечет раздел «Женская повседневность в эпоху социальных катаклизмов: между традициями и новациями». Каждый раз, когда мы обращаемся к истории женщин, мы вторгаемся в сферу повседневного, но по отношению к «человеку» вообще это происходит, как правило, лишь в тех случаях, когда мы специально определяем свою задачу как исследование повседневности этого «человека». Не случайно, и это хорошо видно на страницах рецензируемой книги, многие детали повседневности «советского человека» (одежда, пища, жилье,

семья, труд, отдых, бытовые трудности и др.) становятся видимыми при обращении либо к источникам женского происхождения, либо к таким, в которых женщины являются действующими лицами. Например, в статье Ребровой «Повседневная жизнь кубанских партизан и ее отражение в мемуарах» показано, что по воспоминаниям мужчин партизанская повседневность – это бои с врагом, военные будни, а что касается условий жизни, быта, трудностей и лишений, то «эту сторону партизанских будней описывали мемуаристки – участницы партизанского движения на Кубани» (с. 199).

Вызывает интерес и другое наблюдение: в исторических источниках мы можем проследить сюжетный сдвиг от описания военной повседневности к описанию военной героики. Так, основой реконструкций Ребровой послужили мемуары, написанные командирами и участниками партизанских отрядов не по собственной инициативе, но созданные в 1960–1970-х гг. в рамках государственного заказа на накопление и сохранение воспоминаний о войне. Отсюда невнимание авторов к повседневности и их сосредоточенность на рассказах о подвигах, боевых заданиях, уничтожении врага (с. 191). Иная картина вырисовывается, если обратиться к документам собственно военного периода, например, к письмам с фронта (среди авторов большинство – мужчины). Их сюжетной доминантой является изображение бытовой повседневности. Сенявская, проанализировавшая этот корпус источников, отмечает, что в письмах преобладает описание жилых помещений, распорядка дня, рациона питания, денежного довольствия, состояния обуви, досуга, взаимоотношений с командирами и товарищами, таким образом «героический» аспект войны явно уступает «житейскому, будничному, повседневному» (с. 142–143). К аналогичному выводу, хотя и в контексте решения нескольких иных задач, пришли Кринко и Тажидинова. Предметом их анализа стала переписка солдат с девушками из тыла. Центральное место в ней также занимает повседневность, хотя уже не бытовая, а чувственная: «Вокруг шла война, гибли люди, а молодые люди писали друг другу о погоде, о своих настроениях и впечатлениях, переживаемых эмоциях, прочитанных книгах, увиденных кинофильмах» (с. 187).

При чтении сборника возникают и другие вопросы, которые могут стать темой отдельной статьи. Назову лишь некоторые из них: категория «субъективность» в истории повседневности, трудности реконструкции собственно «женской повседневности», «мужская повседневность», общие черты и региональная специфика в повседневной жиз-

ни советского человека. Появление всех этих вопросов свидетельствует о высоком профессионализме авторов книги, так как она заинтересовывает, провоцирует на размышления, согласие или заочную полемику с авторами. Значит, вне зависимости от того, в чьих руках находится сборник (ученых, студентов или непрофессиональных любителей истории),

он будет способствовать движению исторической мысли и науки, популяризации знаний о прошлом.

А.Б. Елисеев,
кандидат исторических наук
(Минский филиал Московского
государственного университета экономики,
статистики и информатики)

Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: Сборник документов / Сост. Е.В. Касимов. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 416 с.

Изучение крестьянского сопротивления насильственным акциям советской власти входит в число актуальных проблем отечественной истории. Восстание чувашских крестьян в январе–феврале 1921 г., свидетельствовавшее о недовольстве политикой военного коммунизма представителей одного из самых терпеливых и лояльных к властям народов страны, до сих пор остается малоизученным. В советский период эта тема получила только частичное отражение в обобщающих трудах по истории Чувашии и Чувашской областной организации КПСС, в которых лишь общими фразами упоминалось о крестьянском восстании 1921 г. В описании его событий исследователи опирались на недостоверные источники, отдавая приоритет документам коммунистической партии и советских органов, в которых замалчивались такие вопросы, как практика насилия властей, крестьянские протесты, голод, хозяйственная разруха. Из их поля зрения выпадали целые пласты источников, отразившие репрессивную деятельность партийных и советских организаций, а также органов ВЧК–ОГПУ–НКВД.

В современных условиях в рамках исследовательского проекта «Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.» издаются сборники документов¹, которые содержат результаты кропотливой работы ученых по вовлечению в научный оборот огромного массива неизвестных ранее источников. В монографиях В.П. Данилова, В.В. Кондрашина, Т. Шанина и др. на основе рассекреченных документов представлена новая концепция крестьянского движения в первой четверти XX в., важная для анализа проблемы взаимоотношений советской власти и крестьянства². Эта тема нашла отражение и в зарубежной историографии³.

Исследователи Чувашии, опираясь на современные документальные материалы, также опубликовали соответствующие статьи⁴. В них раскрываются дискуссионные проблемы изучения крестьянского движения 1921 г. в Чувашии – причины выступления местных

крестьян, начало, характер и масштабы их сопротивления, количество жертв восстания.

Рецензируемый сборник документов способствует воссозданию объективной истории восстания чувашских крестьян в 1921 г., показывает фальсификацию и смысловые искажения исторических событий тех лет в советской историографии. В состав издания включены отразившие подлинные события тех лет 153 документа, выявленные в Государственном архиве современной истории и Государственном историческом архиве Чувашской Республики, в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Подавляющее большинство материалов публикуется полностью и впервые. Книга снабжена перечнем документов, списком сокращений, именным и географическим указателями, именным комментарием, что повышает ее информационную составляющую. В сборник вошли и 3 приложения, где приводятся указатель воспоминаний очевидцев крестьянского восстания, поуздный и поименный списки жертв восстания с краткими биографическими сведениями, а также именные списки граждан, убитых и расстрелянных в ходе восстания.

После образования Чувашской автономной области (АО) в июне 1920 г. ее руководство приняло на себя повышенные обязательства перед Центром по выполнению продразверстки. К концу года планы сдачи хлеба государству были реализованы в принудительно-добровольном порядке на 136%, что осенью и зимой привело к появлению в АО первых признаков голода. Тяжелым бременем для населения стало выполнение трудовой и гужевой повинностей. В этих условиях в период проведения семенной кампании началось повсеместное сопротивление чувашских крестьян, что стало полной неожиданностью для руководства автономии. Включенные в сборник документы отражают аргументацию крестьян в их противодействии властям. Так, отказ от ссыпки семян в общественные амбары они обосновывали опасностью порчи семян, напрасной